

Отзыв официального оппонента
о диссертации Морозовой Светланы Николаевны
«Творчество К.И. Чуковского в контексте международных
литературных связей»,
работа представлена на соискание ученой степени доктора
филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Корней Иванович Чуковский для русской литературы XX века – фигура особенная. Этот энциклопедически образованный человек внес заметный вклад в целый ряд филологических сфер: начиная от детской литературы и заканчивая биографическими исследованиями классиков зарубежной литературы. Долгое время он оставался одним из последних даже не свидетелей, а участников литературного процесса в России, который теперь принято называть Серебряным веком.

В творческом и исследовательском наследии Чуковского особняком стоит переводческая деятельность. Многие зарубежные классики говорят с русским читателем как бы «на языке» Корнея Ивановича Чуковского. И эта сфера – сфера литературной биографии и художественного перевода – со всей очевидностью еще только начинает становиться предметом филологических штудий. Поэтому диссертация С.Н. Морозовой видится весьма актуальной в контексте как историко-литературном, так и теоретическом, в первую очередь здесь нужно говорить о техниках перевода, особенностях переводческой деятельности.

Можно констатировать, что в диссертации глубоко и нетривиально исследован материал, касающийся жизни и творчества К.И. Чуковского. Причем С.Н. Морозова идет дальше констатации: с некоторыми авторами она полемизирует, у других отмечает сильные и слабые стороны в представлении и интерпретации наследия Чуковского. Однако в большинстве случаев перед нами либо узкотематические работы, либо труды, напрямую не посвященные

рецепции К.И. Чуковским зарубежной литературы. Поэтому новизна работы представляется бесспорной, так как сбор и систематизация материалов, касающихся данной темы до исследования С.Н. Морозовой в таких объемах и на таком аналитическом уровне не проводилось. Вносится и заметный вклад в исследование темы русско-зарубежных литературных связей XX века, что также может быть отнесено к новому для литературоведения.

Кроме того, в труде С.Н. Морозовой впервые так подробно и многоаспектно рассматривается специфика поэтики, жанра, стиля художественного наследия К.И. Чуковского, а также его многообразные связи с творчеством иностранных писателей, чьи произведения стали материалом для филологических трудов Чуковского-переводчика и Чуковского-исследователя. При этом автор диссертации выходит за рамки исключительно филологической проблематики, касаясь более широкого круга тем, связанных с межкультурной коммуникацией, искусствоведческими вопросами.

Отмечу и еще одно важное составляющую новаторства С.Н. Морозовой: в диссертации дается образ Корнея Чуковского как разностороннего мыслителя, который не только занимается «филологическим переложением» иноязычного материала на русскую почву, но и проникает в его культурные, даже онтологические глубины. Показательна здесь, например, полемика вокруг Канта и кантианства, в которой Чуковский выступает, с одной стороны, как нетривиальный философ, с другой, как пытливый исследователь, способный к глубокой аналитике сложных культурно-исторических проблем.

Релевантной заявленным задачам и цели представляется теоретико-методологическая база исследования, в которой общелитературоведческие концепции дополняются специальными разработками в области переводоведения, историко-литературных и межкультурных связей. Ну и логично, что среди методов доминируют компаративистские.

Отличает диссертацию и то, что ее автор, анализируя творческое наследие Чуковского, постоянно переходит к более широким контекстам, объясняя некий факт не только микроконтекстом «чуковской» идиопоэтики,

но и макроконтекстом эпохи, то есть особенностями ее общественных настроений, литературно-критической и философской мысли. Такая многоаспектность делает выводы диссертации тщательно обоснованными (правда, мне не хватило развернутых выводов по главам).

Заслуживает внимания и разнообразие источников, к которым апеллирует С.Н. Морозова: это и литературно-критические труды, и мемуаристика, и периодика, и дневниковые записи Чуковского, и его знаменитая «Чукоккала». То есть делается попытка дать явление в многообразии трактовок, в диалектике разных восприятий и критических оценок. В этой связи позволю себе лишь одно пожелание автору: в обзоре отечественных исследований о влиянии Гете на русскую словесность, возможно, следовало бы подключить диссертационные исследования. Например, работу 2020 года С.А. Корниенко «И.В. Гёте в творческом восприятии акмеистов (Н.С. Гумилёв, О.Э. Мандельштам, А.А. Ахматова)».

С.Н. Морозова одинаково уверенно чувствует себя и в замысловатых философских контекстах, и в историко-литературном материале, и в аналитическом «препарировании» художественного текста. Такая основательность бросает интересные отсветы и на фигуру главного героя диссертации, который предстает воистину разносторонним литератором, который смог пропустить через себя всё многообразие духовной жизни XX века. Соответственно, компаративистская составляющая при таком многоаспектном подходе только выигрывает, и Чуковский предстает не только переводчиком, но и глубоким исследователем, погруженным в противоречия эпохи, в ее идейные сшибки.

В этой связи очень интересными представляются размышления диссертанта о политической ангажированности переводческой деятельности. Не раз на страницах диссертации появляется изобретенный Чуковским термин «марксометр»: то есть ценность произведения с позиции вульгарно-социологического подхода определяется его соответствию или несоответствию марксистско-ленинской идеологии. Однако переводчики,

сочувствующие левым идеям, не были здесь изобретателями: задолго до них как в нашей стране, так и за рубежом, в переводческой сфере работали люди, которые пытались того или иного зарубежного автора втиснуть в прокрустово ложе своих идей. В этой связи очень интересны интерпретации Шекспира, текст которого в разное время и в разных странах подчас подвергался существенным трансформациям, что было неоднократно замечено Чуковским. Отсюда – попытка дать подлинного Шекспира, без идеологического налета, что так было непросто в советских реалиях. Поэтому заслуживают внимания размышления автора о том, как Чуковский стремился дать наиболее полновесный, идеологически неангажированный перевод, что в некоторых случаях поистине означало знакомство русскоязычной публики с подлинным смыслом иностранного произведения. Правда, при рассмотрении этих коллизий из-под пера диссертанта порой выходят устарелые идеологические канцеляризмы, например: «пропаганда реакционных идей» (С. 144).

К преимуществам работы следует отнести чу́ть ли не энциклопедическую тщательность диссертанта, которая очень скрупулезно исследует материал, старается дать явление в максимальной полноте. Правда, иногда такая основательность кажется излишней. Например, в параграфе 1.5. встречается такой фрагмент: «Л. Бетховен также упоминается в одной из строк стихотворения Н.А. Некрасова “Псовая охота”, рифмовку которого подробно анализировал К.И. Чуковский: “поэт трижды позволил себе эту почти небывалую по тому времени вольность: пропустил во второй стопе один неударяемый слог и ввел таким образом стяжение в середину строки: Что твой Россини (пауза), что твой Бетховен”». Какое отношение к осмыслению Чуковским музыки Бетховена имеет упоминание композитора у Некрасова – да еще и в стиховедческом контексте? Это один из тех примеров в диссертации, когда полнота переходит в избыточность.

Небезынтересна работа С.Н. Морозовой буде́т и для биографов Чуковского, потому что через переводческую деятельность здесь нередко просвечиваются жизненные коллизии знаменитого литератора, его отношения с

целым рядом писателей, поэтов, переводчиков. Например, любопытна «борьба за Шекспира», развернувшаяся между К.И. Чуковским и А.Д. Радловой. Важно и то, что в диссертации писатель дан в развитии своих художественных и эстетико-идеологических взглядов. Например, говорится о том, что Чуковский в разные периоды своей литературно-критической деятельности по-разному относился к наследию М. Твена (см. С. 290), соответственно, менялись и отбор материала, и переводческие стратегии.

В работе присутствует, если так можно выразиться, «два биографизма»: помимо жизненных коллизий главного героя диссертации есть и биографический материал зарубежных классиков, с которым работал Чуковский. А ведь действительно для переводческой деятельности крайне важны и апелляции к биографии. По мысли С.Н. Морозовой, Чуковский не только глубоко проникал в творческий метод иностранных авторов, но и хорошо знал особенности их жизненного пути, что позволяло ему глубже понять творческие методы зарубежных классиков. Поэтому важным жанром в наследии Чуковского становится «популярная биография». Как отмечает сама диссертант: «Такая подача материала вполне оправдана, так как жизнь О. Генри походит на захватывающий роман, насыщенный головокружительными коллизиями, взлетами и падениями писателя, во многом обусловившими специфику его художественного мира» (С. 296).

Очень интересны мысли как самого Чуковского, так и их комментатора в лице С.Н. Морозовой о принципах художественного перевода, о соотношении строгости при обращении с материалом и художественных вольностей, передающих нечто более важное, чем то, что может дать бесстрастный подстрочник, – живой «дух», а не сухую «букву» произведения. В таком подходе, по мысли диссертанта, кроются творческие удачи Чуковского на переводческом поприще. Однако иногда диссертант как бы соскальзывает со этой темы в какую-то смежную проблематику. Например, на С. 128-131 идет глубокое погружение в тему «Тынянов как переводчик с немецкого языка». Возникает вопрос: какое отношение это имеет к предмету

диссертации? Ведь в этом материале почти нет сравнения переводческих методов Чуковского и Тынянова. Не логичнее ли было сказать об этом в одном абзаце?

Ну и совсем частное. Есть у меня один вопрос по оформлению материала: много раз в диссертации говорится о том, что Н. Бельтов есть псевдоним Плеханова. Можно было ограничиться и одним указанием на это, а не давать каждый раз, когда этот Бельтов появляется в тексте. Еще один «момент избыточности» связан с дублирование цитат. Так, на С. 81. дается цитата: «Во всех тогдашних статьях и речах Луначарского чувствуется его нетерпеливая жажда приобщить новую советскую массу читателей к величайшим достижениям культуры минувших времен. Отсюда его жаркие статьи о Данте, о Лопе де Вега, о Гете». Эта же цитата появляется снова на С. 97. То же можно сказать о цитате: «Когда англичане считали Рихарда Вагнера сумасшедшим шарлатаном, Бернард Шо – один против всех – выступил с обширным памфлетом, где доказывал, что Рихард Вагнер гений» (см. С. 83 и С. 336).

В целом же можно отметить, что постановка проблемы, предложенная диссидентом, заставляет иногда по-новому взглянуть на литературный процесс XX века и на творческую деятельность К.И. Чуковского, глубже проникнуть в специфику его художественного мира. Поэтому изыскания С.Н. Морозовой могут лечь в основу дальнейших исследований в области русской литературы XX вв.: как в теоретическом контексте (переводоведческая теория, биографический метод), так и историко-литературном (русская литература Серебряного века, второй трети XX века). Работа является продуманным, логично выстроенным и завершенным исследованием, положения и выводы которого достоверны и обоснованы. Автореферат и публикации полно отражают основное содержание работы. Основные научные результаты диссертации опубликованы в достаточном числе рецензируемых научных изданий.

Диссертация соответствует специальности 10.01.01 – Русская литература и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 4 – история русской литературы XX – XXI веков; п. 5 – история русской литературной критики; п. 17 – взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой; п. 18 – Россия и Запад: их литературные взаимоотношения.

В целом, диссертационная работа Светланы Николаевны Морозовой «Творчество К.И. Чуковского в контексте международных литературных связей» представляет собой самостоятельный завершенный научный труд, имеющий как теоретическое, так и прикладное значение. Таким образом, представленная диссертация вполне отвечает требованиям, изложенными в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842), предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор, Морозова Светлана Николаевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

15.04.2022

Доктор филологических наук
по специальностям:

10.01.01 – Русская литература,
10.01.08 – Теория литературы, текстология,
профессор кафедры государственного,
управления и менеджмента
Брянского филиала РАНХиГС

241050, Брянск, ул. Горького, 18,
Раб.тел.: 8(4832)72-28-19
e-mail: gva@br.ranepa.ru

В.А. Гавриков

Стогнис Табакова В. А. удостоверяю.

Начальник отдела правовой
и кадровой работы
Глебова Г.В.